

ОТДЕЛ IV. ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ

СОЗДАНИЕ «УНИАТСКОГО НАРРАТИВА»: ОСМЫСЛЕНИЕ БРЕСТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ В ИСТОРИОГРАФИИ КАТОЛИЧЕСКИХ И ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКИХ АВТОРОВ

Диакон Сергей Олегович Лаврентюк

Студент магистратуры

Московской духовной академии

141300, Московская область, г. Сергиев Посад, Лавра, Академия

xzlavrentukxz8@gmail.com

Для цитирования: *Лаврентюк С. О., диак.* Создание «униатского нарратива»: осмысление Брестской церковной унии в историографии католических и греко-католических авторов // Церковный историк. 2026. № 1 (23). С. 213–223. DOI: 10.31802/CH.2026.23.1.012

Аннотация

УДК 271.2 9+930.85

Статья посвящена исследованию формирования «униатского нарратива» — историографической традиции, целенаправленно осмыслявшей события и значение Брестской церковной унии 1596 года. Основная цель исследования заключается в анализе и систематизации подходов, аргументации, которые выработали греко-католические историки XVIII–XIX вв., для обоснования унии и защиты её исторической легитимности. В центре внимания находятся труды таких ключевых фигур, как архимандрит Игнатий Кульчинский, Станислав Ростовский, Юлиан Бартошевич и епископ Юлиан Пелеш. В своих исследованиях они рассматривают ход событий, причины, центральные действующие лица и последствия церковной унии. Методологическую основу исследования составляет комплексный анализ

историографических текстов с привлечением корпуса первоисточников эпохи (окружных посланий, королевских грамот, актов). Это даёт возможность не только реконструировать систему взглядов самих авторов, но и проверить степень их опоры на документальную базу.

Полученные выводы демонстрируют, что изучение трудов греко-католических историков является неотъемлемой и значимой частью исследования историографии Брестской унии. Их работы представляют собой не просто апологетику, а целостную систему исторического мышления, которая повлияла на национальную и конфессиональную идентичность, а также на последующую научную дискуссию о событии.

Ключевые слова: Брестская уния 1596г., униатская историография, Православная Церковь в Речи Посполитой, предпосылки и итоги Брестского собора 1596 г., конфессиональная полемика, «униатский нарратив», историческая память.

Creating a “Uniate Narrative”: Understanding the Brest Church Union in the Historiography of Catholic and Greek Catholic Authors

Deacon Sergey O. Lavrentiuk

MA student at the Moscow Theological Academy

141300, Moscow region, Sergiev Posad, Lavra, Academy

xzlavrentukxz8@gmail.com

For citation: Lavrentiuk, Sergey O., Deacon. “Creating a “Uniate Narrative”: Understanding the Brest Church Union in the Historiography of Catholic and Greek Catholic Authors”. *Church Historian*, № 1 (23), 2026, pp. 213–223 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2026.23.1.012

Abstract. The article is devoted to the study of the formation of the “Uniate narrative”, a historiographical tradition that purposefully comprehended the events and significance of the Brest Church Union of 1596. The main purpose of the study is to analyze and systematize the approaches and arguments developed by Greek Catholic historians of the 18th and 19th centuries to justify the union and defend its historical legitimacy. The focus is on the works of such key figures as Archimandrite Ignatius Kulchinsky, Stanislav Rostovsky, Julian Bartoshevich and Bishop Julian Peles. In their research, they consider the course of events, the causes, the central actors and the consequences of the church union. The methodological basis of the research is a comprehensive analysis of historiographical texts involving the corpus of primary sources of the era (district letters, royal charters, acts). This makes it possible not only to reconstruct the system of views of the authors themselves, but also to check the degree of their reliance on the documentary base.

The findings demonstrate that the study of the works of Greek Catholic historians is an integral and significant part of the study of the historiography of the Brest Union. Their works represent not just apologetics, but an integral system of historical thinking that influenced national and confessional identity, as well as the subsequent scientific discussion about the event.

Keywords: The Brest Union of 1596, Uniate historiography, the Orthodox Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth, the background and results of the Brest Council of 1596, confessional polemics, «the uniate narrative», historical memory.

Вступление

Брестская церковная уния 1596 года, провозгласившая воссоединение части православной митрополии Киевской, Галицкой и всея Руси с Римско-Католической Церковью при сохранении восточного обряда, стала одним из ключевых и наиболее драматичных событий восточноевропейской истории рубежа XVI–XVII вв. Собор в Бресте — не только положил начало глубокому конфессиональному расколу, но и предопределил направления в политическом, культурном и национальном развитии регионов Речи Посполитой на столетие вперёд. Решение епископов во главе с митрополитом Михаилом (Рогозой) встретило сопротивление значительной части духовенства, братств и, что особенно важно, могущественной православной аристократии во главе с князем Константином Острожским. Последующие десятилетия были отмечены острой полемикой, периодическими гонениями и сложным процессом становления новой Греко-католической церкви в условиях постоянного противостояния с православными.

Столь судьбоносное и конфликтное событие неизбежно стало предметом пристального внимания и острой историографической борьбы. На протяжении столетий интерпретация причин, хода и последствий Брестской унии служила не только академическим интересам, но и инструментом оправдания конфессиональных позиций, формирования политической полемики. Особенно детально эти события исследовались в историографии православного направления как в Российской империи¹, так и в сердце украинской интеллигенции². В их трудах уния нередко освящалась как результат политического давления, иезуитских интриг и предательства части иерархии, что вело к насильственному отрыву народа от Истинной православной веры. Под влиянием этих работ в научной и общественной среде могло сложиться впечатление об исчерпывающей и единственно верной картине событий 1596 года.

Однако существовала и параллельная традиция, представители которой стремились предложить принципиально иной взгляд на те же исторические факты. Эта традиция зародилась в среде сторонников унии — греко-католиков, а также сочувствующих им католических

1 Труды М. О. Кояловича, П. Н. Жуковича, Н. М. Кармазина, митр. Макария (Булгакова), С. М. Соловьёва и др.

2 Например: М. С. Грушевский. Історія України-Руси. Т. 5. Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII вв. Львів, 1905 (репринт: Київ, 1994). С. 561. См. также: Тимошенко Л. Берестейська Унія в оцінці Михайла Грушевського // Український історик. Т. XXXIII (1996). С. 188–203.

историков. Для них Брестский собор был не трагедией раскола, а актом долгожданного «исцеления» и возвращения к единству. Их интерпретация формировала особый «униатский нарратив», в центре которого находились не внешние интриги, а глубокий внутренний кризис Православной Церкви в Речи Посполитой накануне унии.

Начало формирования «униатского нарратива»

Одним из первых и наиболее систематических опытов целостного «униатского нарратива» стал труд архимандрита Игнатия Кульчинского³ «Образец Русской Церкви: от истоков веры, до наших дней Россия всегда была единой со священным Римским Апостольским Престолом» («*Specimen Ecclesiae ruthenicae: ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis captibus seu primatibus Russiae cum S. Sede apostolica romana semper unitae*»), изданный в Риме в 1773 г. Автор не просто излагает сведения о прошлом, но и выстраивает их в последовательную концепцию, обосновывая при этом легитимность и преемственность униатской церкви. Архим. Игнатий Кульчинский предпринимает попытку создать историческую схему, в которой история Церкви на Руси от момента Крещения до его современности представляла в виде постоянного стремления к единству с Римским Апостольским Престолом.

Ключевой точкой, оправдывающей разрыв духовной связи Руси и Константинополя, у автора выступает критика симонии и материальных вымогательств со стороны Константинопольского Патриархата. Так, смена митрополитов в Киеве накануне унии изображается им как прямое следствие финансовых требований патриарха Иеремии⁴. Низложение митрополита Онисифора (Девочки)⁵ в 1588 году объясняется отказом последнего удовлетворить чрезмерные имущественные притязания патриарха⁶. Его преемник, митрополит Михаил (Рагоза)⁷, оказывается в аналогичной ситуации. Именно

3 Игнатий Кульчинский (1707–1747) — деятель униатской церкви, историк, доктор теологии. С 1736 года — архимандрит Борисоглебского монастыря в Гродно.

4 Иеремия II (Транос); между 1530 и 1536 гг. — 1596) — патриарх Константинопольский (1572–1579, 1580–1584, 1587–1595).

5 Онисифор (Девочка) — Михаил (Михно) Петрович (нач. 10-х гг. XVI в. — 1592) — митрополит Киевский и Галицкий в 1579–1589 гг.

6 *Ignatius Kulczynski. Specimen Ecclesiae ruthenicae: ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis captibus seu primatibus Russiae cum S. Sede apostolica romana semper unitae*. Bohnе. 1858. P. 127.

7 Михаил (Рагоза) (1540–1599) — православный митрополит Киевский и Галицкий, принявший Брестскую унию в 1596 г.

финансовое давление, по версии Игнатия Кульчинского, становится главной причиной созыва Брестского собора 1596 года, на котором духовенством было принято решение направить «изнурённую» Русь под защиту Рима.

Разрыв с Константинополем предстаёт перед взором читателей не как раскол или измена отеческой вере, а как вынужденный разрыв с коррумпированной структурой, погрязшей в симонии. Патриарх Иеремия, занятый на то время устроением дел в Москве, где он по просьбе Фёдора Иоанновича⁸, «...возвёл на патриаршество некоего Иова, и с этого момента в Москве была основана патриаршая кафедра»⁹. И только по прибытии своём в Константинополь, патриарх Иеремия вспомнил о «невывплаченной сумме» митрополита Киевского и издаёт против него приговор о низложении¹⁰.

Таким образом, архим. Игнатий закладывает краеугольный камень будущего униатского нарратива, где уния была взвешенным и обоснованным ответом русского духовенства на моральный и финансовый кризис «Матери-Церкви». Последующие события с избранием послов (Поцея¹¹ и Терлецкого¹²), их радушный приём папой Климентом VIII¹³ и торжественное провозглашение унии на Брестском соборе 1596 г.¹⁴ — подаются им как логичный и спасительный итог этого конфликта. Опуская многие спорные и противоречивые детали, историк создаёт очищенную версию истории, где Брестская уния — это акт возвращения под защиту истинного и бескорыстного духовного центра — Рима.

Значительным шагом в созидании «униатского нарратива» стал труд профессора и префекта национальной библиотеки Вильнюсского университета Станислава Ростовского¹⁵ — «Lituanicarum Societas Jesu

8 Фёдор Иоаннович (1557–1598) — последний русский царь из династии Рюриковичей.

9 *Ignatius Kulczynski. Specimen Ecclesiae ruthenicae: ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis captibus seu primatibus Russiae cum S. Sede apostolica romana semper unitae.* Bohnе. 1858. P. 128.

10 «Jeremias rediit Constantinopolim, et redempto patriarchatu, recordatus Michaelis nostri Metropolitae, sententiam depositionis in eum publicavit». Там же.

11 Ипатий Поцей (в миру Адам Львович; 1541–1613) — пропагандист унии, униатский митрополит Киевский.

12 Кирилл Терлецкий (Терлецкий Кирилл Семёнович; ок. 1540–1607) — один из инициаторов и лидеров Брестской церковной унии. Епископ Луцкий и Острожский.

13 Климент VIII (до избрания папой Ипполито Альдобрандини; 1536–1605) — папа Римский с января 1592 г.

14 «...in synodo Brestae rursus per Metropolitam convocata anno 1596 renovationem Unionis sanctae plaudente toto regno promulgarunt». Page 129.

15 Rostowski Stanislaw (1711–1782) — доктор богословия, профессор и префект библиотеки Вильнюсского университета.

historiarum libri decem»¹⁶. Хотя это исследование истории иезуитской миссии в Литве опубликовано лишь частично, его разделы, посвящённые Брестской унии, представляют собой одну из первых попыток её систематического исторического описания. Деятельность ордена иезуитов упоминается в работе Станислава Ростовского не просто поверхностно. На нём делается акцент, и, более того, главные представители ордена получают всестороннее богословское и моральное оправдание.

Важнейшей особенностью труда Станислава Ростовского является его источниковедческая основа. Обладая доступом к архивам иезуитских коллегий и университетской библиотеки, автор приводит в своём повествовании прямые цитаты из ключевых документов эпохи: протоколов соборов, папских булл, королевских грамот и частных переписок. Детально описывая события Брестского собора, Станислав Ростовский упоминает пристрастные фрагменты акта провозглашения унии, включая его сакральную формулу, подчёркивающую исключительно-главенствующую власть Рима: «*Ut in uno Petro, quasi in petra, Ecclesia Christi firmiter staret, et ab uno regatur teneaturque*»¹⁷. Эта углублённая работа с первоисточниками заложила документальный фундамент для последующих апологетических исследований.

Важно, что подбор и интерпретация этих документов у Станислава Ростовского подчинены определённым целям. Во-первых, он активно апеллирует к авторитету Флорентийского собора (1439 г.)¹⁸, представляя Брестскую унию не как нечто новое, а как «возвращение» к утраченному единству. Падение Византии и подчинение патриархов турецкой Порте трактуется им как причина догматической (в первую очередь) и моральной деградации: «...а когда константинопольские патриархи вновь расторгли это соединение, и, таким образом став первыми беглецами от Бога, приняли тиранию турок, отсюда последовали многие заблуждения... и пренебрежение исполнением обязанностей»¹⁹.

Во-вторых, (это составляет главную специфику его вклада в униатский нарратив) автор представляет Петра Скаргу²⁰ и других иезуитов не как политических интриганов или внешний рычаг давления, а именно

16 *Rostowski S. Lituanicarum Societas Jesu historiarum libri decem. Parisii. 1877. 540 page.*

17 «Дабы в одном Петре, как на камне, твёрдо стояла Церковь Христова, одним управлялась и содержалась». См.: *Rostowski S. Lituanicarum Societas Jesu historiarum libri decem. Parisii. 1877. Page 177.*

18 Ферраро-Флорентийский собор — церковный собор, состоявшийся в 1438–1439 гг.

19 *Rostowski S. Lituanicarum Societas Jesu historiarum libri decem. Parisii. 1877. Page 182.*

20 Пётр Скарга (пол. Piotr Skarga (Powęski); 1536–1612) — католический теолог, деятель Контререформации в Речи Посполитой.

как «отцов-основателей» и бескорыстных миротворцев. Станислав детально описывает их участие в соборе, пастырские усилия и богословские диспуты²¹, представляя читательскому взору деятельность монахов чистой заботой о государстве и о спасении душ. Этот образ принципиально противоречит обвинениям, характерным для многих позднейших историков, видевших в иезуитах «губительную силу», склонявшую к унии хитростью, насилием. У Станислава Ростовского же они — миротворцы и просветители.

В рамках этой же контрреформационной позиции выстроен и образ главного противника объединения (так называемого схизматика). Князь Константин Острожский²² и все «схизматики» обвиняются не просто в заблуждении, а в слепоте («prorsus саеса» — «вы совершенно слепы»), в преступном сговоре с протестантами и даже с турками. Сопротивление унии передаётся как злонамеренный срыв «богоугодного» дела, все их аргументы риторически обесцениваются.

Таким образом, вклад Станислава Ростовского в историографию Брестской унии двойствен. С одной стороны, благодаря фиксации и публикации документов, он заложил важную источниковедческую основу. С другой — его труд является классическим памятником католической апологетики XVIII века, где история унии служит доказательством успеха миссии иезуитского ордена. Через его работу в униатский нарратив была внесена ключевая идея: иезуиты были не губителями, а созидателями, чья борьба за унию была борьбой за цивилизационный выбор, государственный порядок и спасение душ. Этот тезис стал одним из важнейших аспектов в последующей греко-католической мысли.

В XIX веке — эпохе формирования национальных историографий, «униатский нарратив» получает новое развитие в трудах епископа Юлиана Пелеша²³. Его позиция, безусловно, пристрастная и проуниатская. Однако его вклад заключается в концепции, призванной обосновать унию как явление органичное для русской церковной традиции.

Подобно Станиславу Ростовскому, епископ Юлиан видит в унии возвращение к единству. При этом апеллирует не к Флорентийскому

21 См.: *Rostowski S. Lituanicarum Societas Jesu historiarum libri decem. Parisii. 1877. Page 180–182.*

22 Константин Константинович Острожский (1526–1608) — сын великого гетмана литовского Константина Ивановича Острожского, воевода Киевский, покровитель православия в Речи Посполитой.

23 Юлиан Пелеш (пол. *Julian Pełesz*, 1843–1896) — украинский греко-католический епископ, церковный деятель и богослов.

собору, а к более ранней эпохе. Центральным тезисом выступает идея «восстановления» (нем. — *Wiederherstellung*) изначального единства Русской Церкви с Римским Престолом, существовавшего до раскола событий 1054 г. Таким образом, Брестская церковная уния предстаёт в его труде не как разрыв с прошлым, а как закономерное завершение сложного процесса, который берёт начало со времён апостольских.

Придерживаясь такой позиции, Юлиан Пелеш даёт свою оценку событиям, прямо утверждая, что «... уния спасла церковь и национальность русинов от полной гибели»²⁴. Так же он подробно описывает состояние Православной Церкви в Речи Посполитой на рубеже той эпохи, которое становится классическим для будущей проуниатской историографии: невежественное и суеверное духовенство, народ груб, авторитет иерархов подорван. «Епископы достигали своего сана большей частью симоническим образом и затем стремились за счёт подчинённых им священником возместить свои убытки»²⁵ — пишет он, указывая на практику женатых епископов и угнетённых, необразованных клириков. Помимо внутреннего упадка, автор подчеркивает угрозу от внешнего фактора (со стороны протестантского лагеря): «...польская и русинская знать посещала заграничные протестантские училища и массами отпадала к протестантизму»²⁶. При всех вышеперечисленных фактах уния видится ему единственным и спасительным барьером.

Новшеством Юлиана Пелеша, (отличающим его от более ранних апологетов вроде Станислава Ростовского) является более сложная и неоднозначная трактовка фигур противников унии. Так, князь Константин Острожский изображается не как лицемерный и хитрый деятель, но как «мудрый князь» и «слишком ревностный приверженец схизмы». Эта оценка, оставаясь в рамках «униатского нарратива», придаёт конфликту драматизм борьбы идей, а не противостояние борьбы со злом.

Возможно, одним из первых Юлиан отмечает положительную роль православных братств, подчёркивая их изначальную самостоятельность и полученное от патриарха Иеремии право быть независимыми от епископов. Главной разрушительной силой, ставшей против унии, он считает казаков, которые «совершили много жестокостей»²⁷,

24 *Julian Pelesz. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Bd. 1, Von den ältesten Zeiten bis zur Wiederstellung der Union der ruthenischen Kirche mit Rom (1595). 1878. 499 s.*

25 *Ibid.* S. 500.

26 *Ibid.* S. 502.

27 *Ibid.* S. 545.

поставив короля перед выбором «...либо отказаться от Унии, либо поссориться с частью рутенской шляхты»²⁸.

Во взглядах Юлиана Пелеша мы видим отход от однозначно негативного портрета оппонентов Унии, что придаёт его повествованию большую убедительность. Фактологическая насыщенность в его исследовании достигается благодаря активному использованию и цитированию писем, грамот и актов 1590–1596 гг. Труд униатского епископа стал своего рода неким мостом между ранней апологетикой и стремлением к более «научной» форме исторического обоснования унии в XIX веке.

Завершающим и наиболее национализированным среди рассматриваемых авторов является польский историк Юлиан Бартошевич²⁹. Его знаменитый труд «Очерки истории Русской Церкви в Польше» представляет собой анализ предыдущих униатских интерпретаций, доведённый до уровня целостной концепции. Бартошевич, тесно связанный с польской культурой, стремился вписать историю унии в более широкий нарратив о цивилизационном противостоянии между католическим Западом (в лице Речи Посполитой) и Православным Востоком — Москвой. Для него Брестская уния — не просто церковный договор, а цивилизационный выбор в пользу Рима, свободы и «польскости».

Уже в вводных замечаниях исследователь задаёт тон, подчёркивая уникальную почву для такого выбора: уния стала возможной благодаря относительно терпимой политике Речи Посполитой. При этом он сознательно дистанцируется от источниковедческой базы, на которой строилась общеизвестная российская историография. Скептически он отмечает публикацию «Актов Западной России»: «...публикуют в хронологическом порядке документы, чрезвычайно важные для истории, но — Бог весть — как они изданы москалями, как они очищены от оригиналов архива униатских митрополитов...»³⁰. Эта позиция позволяет ему оспорить общепринятую интерпретацию и предложить свою, альтернативную версию упадка, предшествовавшего унии.

Новым элементом в нарративе Юлиана Бартошевича становится детализация внутривнутриполитической и интеллектуальной борьбы. Он, подобно Юлиану Пелешу, усложняет образ «противников» унии. С одной стороны, он вводит в историографический оборот фигуру государственного и политического деятеля Речи Посполитой — Фёдора

28 Ibid. S. 545.

29 Юлиан Бартошевич (1821–1870) — польский историк, энциклопедист и славист белорусского происхождения.

30 *Julian Bartoszewicz. Szkic dziejów kościoła ruskiego w Polsce. Krakow. 1900. 166 page.*

Скумина³¹, который был «образцом светского благочестия», чья переписка с митрополитом Киевским Михаилом демонстрирует сложность выбора для людей времён унии. С другой — даёт уничижённую характеристику главному оппоненту унии, князю Константину Острожскому, видя в нём не столько ревнителя веры, сколько губительную силу: «Князь Острожский был воплощённой гордыней, строптивым бунтовщиком, издевавшимся над Божиими и человеческими законами, был бедствием для Отчизны...»³².

При этом интеллектуальным столпом унии у него выступает Мелетий Смотрицкий³³, труды которого, по мнению Бартошевича, стали столь значимыми в деле продвижения унии, как и деятельность Поцея и Рутского³⁴.

Итоговая картина Бартошевича служит целям национально-политической полемики (которая остро прослеживается в середине и конце XIX века. Он резко отвергает тезис о католическом гнёте, подчеркивая: «Не мы в Польше нарушили русскую веру. Её губила Москва, сколько раз вторгалась в польские границы, убивала её схизма своими слугами из Киева, мучило её гайдамачество казацкое...»³⁵. Польша же для него — «классическая страна свободы», носитель цивилизации³⁶. На фоне такого мировоззрения духовенство противников унии Юлиан Бартошевич сводит к роли безнравственных чиновников: «Русь схизматическая не имела, значит, пастырей, имела только духовных чиновников, которые её смущали и использовали для своей пользы»³⁷.

Таким образом, Юлиан Бартошевич доводит «униатский нарратив» до его логического завершения, превращая его в инструмент польского культурно-политического проекта. В его интерпретации уния окончательно перестаёт быть внутренним церковным делом и становится символом выбора в пользу «польской свободы».

31 Фёдор Скумин (около 1538–1618) — дипломат, меценат, государственный и политический деятель Великого княжества Литовского.

32 *Julian Bartoszewicz. Szkic dziejów kościoła ruskiego w Polsce. Krakow. 1900. 187 page.*

33 Мелетий Смотрицкий (Смотрицкий Максим Герасимович; ок. 1577–1633) — писатель-полемист, богослов, 1631 г. униат.

34 Рутский Иосиф Вельямин (1575–1637) — униатский митрополит Киевский и Галицкий, один из создателей ордена василян.

35 *Julian Bartoszewicz. Szkic dziejów kościoła ruskiego w Polsce. Krakow. 1900. 200 page.*

36 *Ibid. P. 202.*

37 *Julian Bartoszewicz. Szkic dziejów kościoła ruskiego w Polsce. Krakow. 1900. 203 page.*

Заключение

Проведённый анализ трудов архимандрита Игнатия Кульчинского, Станислава Ростовского, епископа Юлиана Пелеша и Юлиана Бартошевича позволяет осмыслить процесс формирования «униатского нарратива» истории Брестской церковной унии 1596 г.

Они не только зафиксировали и ввели в оборот корпус важнейших источников, но сформировали базовые концептуальные рамки для осмысления унии. Именно на этой сложившейся традиции, её аргументах и её же внутренних противоречиях в значительной степени строилась историография XX века.

Источники

- Алексеев Л. В. Игнатий Кульчинский — первый исследователь белорусских древностей // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 100–105.
- Блажеёвский Дмитрий. Украинское католическое духовенство в диаспоре (1751–1988). Рим, 1988.
- Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. общества А. А. Половцова. Санкт-Петербург: Импер. Рус. ист. общество, 1896–1913. Т. 2. Алексинский — Бестужев-Рюмин. 1900. [2], 796 с.
- Тимошенко Л. Берестейська Унія в оцінці Михайла Грушевського // Український історик. Т. XXXIII (1996). С. 188–203.

Литература

- Архив Юго-Западной России. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1887. Т. 7. Ч. 1. С. 345–442.
- П. Н. Жукович. Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов. СПб.: тип. Академии наук, 1909. С. 26.
- Коялович М. О. Литовская церковная уния. В 2 т. Т. 2. СПб., 1861. 442 с.
- Филарет (Гумилевский), архим. История русской церкви. Период четвёртый. Рига, 1847. С. 72–112.
- Ignatius Kulczynski. Specimen Ecclesiae ruthenicae: ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis captibus seu primatibus Russiae cum S. Sede apostolica romana semper unitae. Bohnе. 1858. 354 pages.
- Julian Bartoszewicz. Szkic dziejów kościoła ruskiego w Polsce. Krakow. 1900. 514 pages.
- Julian Pełesz. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Bd. 1, Von den ältesten Zeiten bis zur Wiederstellung der Union der ruthenischen Kirche mit Rom (1595). 1878. 638 s.
- Rostowski S., Martynov I. Lituanicarum Societas Jesu historiarum libri decem. Parisii. 1877. 540 pages.